

«Севера светлое диво»

Белые ночи в творчестве поэтов Русского Севера

© А. В. ПЕТРОВ,

доктор филологических наук

В статье характеризуется один из ключевых образов северного текста русской литературы – образ белых ночей, возникающий в творчестве поэтов Русского Севера.

Ключевые слова: северный текст русской литературы, символ, эпитет, метафора, олицетворение, оксюморон.

Понятие «северный текст русской литературы» объединяет произведения о природе и истории Русского Севера, о жизни и труде северян, о специфике северного характера. Тем не менее, северный текст в большей степени явление не тематическое, а ментальное, поскольку оно отражает особый севернорусский вариант национальной картины мира.

К ключевым, концептуальным образам в языковой и художественной картине Русского Севера по праву относится образ уникального явления природы – белых ночей в конце весны – начале лета, когда солнце фактически не заходит за горизонт. «Художественное осмысление, которое получило это явление в произведениях, посвященных Северу, привело к созданию многопланового, разветвленного образа, обладающего, при всем разнообразии смысловых оттенков, смысловым ядром, своего рода сверхсмыслом, который выявляется при анализе и сопоставлении отдельных произведений, составляющих Северный текст» [1. С. 442]. Для доказательства данного положения обратимся к творчеству нескольких северных поэтов, как коренных северян, так и тех, для кого Север стал второй родиной.

Николай Андреевич Журавлев (1935–1991) родился в Ивановской области, в юности приехал в Архангельск и навсегда прикипел душой к суровым северным краям, неслучайно главной темой его творчества стали Русский Север и северяне – мужественные, стойкие люди с открытой душой. У поэта можно встретить ряд образных описательных

оборотов с ключевым словом *край*, которые он использует для номинации Севера: *морянный край, снежный край, простуженный край, край терпения и славы*: «Север, Север! / До чего ж ты ласковый, / Мой морянный край!» – восклицает он в стихотворении «Север» (Курсив здесь и далее наш. – А.П.). Среди них выделяется яркая метафора-оксюморон *край полуночного солнца*, образно характеризующая отличительную черту северной природы – летние белые ночи, когда и в полночь на небе возможно увидеть солнце: «В *краю полуночного солнца* / Своих любимых имена / Давали им [рекам] первопроходцы» («Торопят реки звонкий бег...»).

Белая ночь представляется Н. Журавлеву как нечто необычное, даже нелепое, однако чудесное и непредсказуемое, а сама номинация *белая ночь* так же предстает оксюморonom. Так, в одном из стихотворений, описывая *пору Белоночья* (сложное существительное емко обозначает особенность этой поры), поэт отмечает кажущуюся противоестественность данного природного явления, передавая недоумение ночной птицы – филина, который *тоской обессилен*: «Ух-х-ты! – / Ухнул ночной забияка. – / Как на севере лето / Нелепо!» («Талым звоном апрель захлебнулся...»). Однако в этой противоестественности видится поэту исключительность, особая красота северного края: «Словно загадка / полярное лето – / рядом с закатом / пылают рассветы... / Значит, закатов / на Севере нету – / только рассветы, / только расцветы!» («Белые ночи у Белого моря...») – противопоставление *закаты – рассветы* ассоциативно выводит на размышления о началах и концах, о жизни и смерти, о добре и зле.

В стихотворении «Ах эти белые закаты!» заглавная строчка начинается и завершает поэтический текст и еще дважды повторяется, становясь рефреном, при этом акцентируя внимание читателей на заветных признаниях поэта: «И беспредельность чистоты, / где чувствуешь себя святым / И бесконечно виноватым. / *Ах эти белые закаты!* / И не нужны совсем слова – / Все так прозрачно и понятно...». Одним из символов белого цвета является «символ невинности души, чистоты и святости» [Там же. С. 443], белая ночь, по мнению поэта, делает все прозрачным и ясным не только в природе, но и в душе человека.

Образы птиц используются Н. Журавлевым для выразительного описания белой ночи: «И *птаха* ворохнулась где-то / Спросонья под пугливый вскрик, / И до формального рассвета / У *белой ночи* только миг» (Утро в деревне) – прозаизм *формальный* оттеняет необычность описываемого природного явления; «Под парусами *белой ночи* / Едва *гагара* прокричит...» (Архангельску) – здесь также используется яркая метафора, уподобляющая белую ночь паруснику с белыми парусами.

Белая ночь представляется поэту сказочной, волшебной, колдовской: «...И сказка / *Белых северных ночей*...» («Недолог зимний день в моем

краю...»); «...И колдовское наваждение / Прозрачных северных ночей» (Цветы). Важно, что определения *белый* и *северный*, характеризующая ночь, становятся синонимами, так же, как и эпитет *прозрачный*, неизменно вызывающий самые благоприятные ассоциации: «Все цвета растворила свежестью / Ночь прозрачная, ночь весенняя» («А вода на Двине янтарная...»). В стихах о белых ночах появляются мифопоэтические образы: «Границу утра протори, / Когда всю ночь ведут беседу, / Гуляя рядом, две зари» (Утро в деревне); «Гуляет солнце незакатно / Вокруг поморских деревень» («На Севере всё в крупных формах...»). Глагол *гулять* в значениях «совершать прогулку» и «перемещаться в разных направлениях» [2. С. 152] здесь вполне уместен и точен, так же, как и «одушевление» зари и солнца.

Белые ночи соотносятся в поэзии Н. Журавлева с белым цветом черемухи, с белым цветением трав, с белым оперением лебедей, словно концентрируют белизну цвета и света, создавая неповторимый образ белого Севера. Обращает на себя внимание сближение важных для Севера образов – *белые ночи* и *Белое море*: «Знать, отблеск майской ночи белой / На хрупких веточках застыл?» (Черемуха); «Белые ночи / у Белого моря; / белая кипень / черемух на взгорье...» («Белые ночи у Белого моря...»); «Догорают белые зори, / Ночи белые догорают. / Уплывает тепло за море, / Белым лебедем уплывает» («Догорают белые зори...»).

Главная составляющая образа белых ночей – свет, в прямом и переносном смысле: «Белая ночь как торжество света – самое распространенное образное воплощение этого феномена» [1. С. 444]: «И ни закатов, ни восходов / У солнца в белоночье нет. / Лишь цветень трав под небосводом / Да негасимый белый свет» (Утро в деревне). *Негасимый белый свет* – яркий, емкий, многозначный символ, характеризующий специфику художественного образа Русского Севера.

Самобытный северный поэт **Вадим Анатольевич Беднов** (1937–1992) всю свою жизнь и творчество посвятил родному городу на Двине – Архангельску: «Здесь родился я, здесь и умру, / тут мой корень и точка опоры» («Лягу рядом с июньской Двиной...»), он стремился создавать в стихах колоритный образ Русского Севера, яркий запоминающийся портрет своего края и его жителей, передавать традиции, быт и нравы северян.

Не могла не привлекать поэта чудесная пора конца весны – начала лета, когда ночью светло, как днем, когда особо ощутима благодать красоты северного края: «Белой ночи нисходит / на Двину благодать» («Быстрый май на исходе...»). Существительное *благодать* употреблено в значении «о чем-нибудь хорошем, имеющемся в изобилии» [3. С. 55]; «...светлой ночью / с дальних промыслов вернутся / и пойдут / по тихим улицам / поморы...» (Гравер) – здесь подчеркивается прямая связь белых ночей со светом. У белых ночей как будто бы нет начала

и конца, на эту особенность обращает внимание поэт, гиперболически сравнивая длинные северные песни с июньскими ночами: «*Июньским ночам / эти песни сродни – не иначе. / Где границы у них? Ни концов, ни начал...*» (Бархат и парча).

Названия нескольких стихотворений Вадима Беднова содержат различные наименования белой ночи: «Солнечная ночь», «Белоночь», «Солнцелуние». Для описания белых ночей поэт подбирает выразительные метафорические эпитеты – *солнечные, жемчужные, нагие, молодые, пресветло-беззвездные, прозрачные, ясные*. Белые ночи вызывают в душе самые светлые, жизнеутверждающие, оптимистические чувства, они оказывают, по мнению поэта, очистительное и буквально лечебное воздействие на человека и окружающий мир, приведем примеры таких эпитетов: «Мой Север, / всё дивлюсь я, северянин, / твоим сполохам, / *солнечным ночам, / их сказочно живительным лучам, / когда меж сном и явью стерты грани*» («Мой Север...»); «И верится в жизнь *незакатную, / как эта жемчужная ночь*» («От солнышка незакатного...») – белая ночь придает силы, пробуждает надежду на лучшее: незакатная бесконечная жизнь уподобляется бесконечности, незакатности белой ночи. «Когда беспечная стихия / не экономит солнца свет, / *приходят ноченьки нагие: / всё на виду, покровов нет...*» («Когда беспечная стихия...») – белые ночи символизируют открытость души, чистоту поступков и помыслов. «Сумерки в *светлой ночи / потонули, / даже на дне под водой / не видны*» (Знойные дни) – белая ночь заставляет отступить сумерки, а вместе с ними и темные стороны жизни.

При описании белых ночей В. Бедновым часто используется олицетворение, при этом одушевляется дневное светило – солнце, которое, собственно, и создает белые ночи: «Тихо *солнышко катится, / чуть касаясь воды...*» (Солнечная ночь); «*Солнце лишь сполоснется, / тень / сокроет вода...*» («Быстрый май на исходе...»). Солнце характеризуется как незакатное, бессонное: «От *солнышка незакатного / не спрятаться в сладкие сны (...)* под солнцем бессонным...» («От солнышка незакатного...»); дни при этом становятся бесконечными, просторными: «*Слепнут светлые ночи в июле, / сокращая просторные дни*» («Тихо белые ночи отходят...»).

Фантастичность и необычность поры белых ночей связаны с тем, что в это время совмещаются признаки ночи и дня: «*Закат-восход по небу распластался. / И по соседству – солнце и луна, / как на рисунке юного фантаста*» (Белоночь); «Только заместительница Солнца – / та, что светит, если ночь темна, – / *белыми ночами* остается / в небе, бледным пятнышком видна» («Улетают звезды в мае месяце...»); недаром для названия этой волшебной поры поэт создает сложное наименование *солнцелуние*, которое использует в сильной позиции как заголовок и рефрен стихотворения: «Надвигается *солнцелуние, / золотая грядет*

пора / с полуночными поцелуями, / провожением до утра (...) В *солнцелунье* простишься со сном: / будет солнечная бессонница, / время словно приостановится / где-то между ночью и днем» (Солнцелуние).

Белая ночь оказывает ощутимое воздействие на человека, это время мечтаний и грёз: «*Белой ночью* не грех / бредить давними детскими снами...» (Сентиментальный мотив); «...от забытых, лежащих под спудом, / но июнем разбуженных грёз» («Тихо белые ночи отходят...»); это время, когда пробуждаются чувства, которые переполняют и будоражат душу: «Но бывает и бременем / время *белых ночей* (...) Переполненный полночью, / я сижу у окна. / Нет, недаром ты *солнечной*, / наша ночь, названа» (Солнечная ночь); «Тихо *белые ночи* отходят, / возвращая целительный сон» («Тихо белые ночи отходят...»). Белые ночи обогащают духовно человека, придают ему силы, буквально освещают его душу: «*Этой ночью пресветло-беззвездной* / я душой беспредельно богат (...) В эту ночь откровений, наитий / ничего от друзей не таю: / приходите ко мне, загляните / в освещенную душу мою!» (Белой ночью). Белые ночи проверяют человека на честность и искренность: «В *солнцелунье* дружи с легендами, / только с кривдой водиться брось: / *белоночь* лучи рентгеновы / нас просвечивают насквозь» (Солнцелуние).

В представлении Вадима Беднова белые ночи становятся не только символом природы Русского Севера, но и характеристикой особого состояния души северянина, который поверяет свои чувства и помыслы воздействием на него уникального природного явления. К тому же, пора белых ночей для поэта, рожденного в июне, становится просто родной стихией.

В зрелом возрасте переселился из Рязани в Архангельск поэт Анатолий Ильич Лёвушкин (1922 – 2001). И хотя до конца дней своих он оставался верен своей малой родине, дорогой сердцу Рязанщине, посвятив ей немало вдохновенных строк, все-таки главной темой творчества поэта становится Север и суровое северное море. А. Лёвушкин не понаслышке знал о тяжелых моряцких буднях, о крутом нраве полярных морей, поскольку вдохновение для своих стихов и поэм он черпал во время плавания на судах Северного морского пароходства в Заполярье и в Арктику. Так, обыгрывая топоним *Белое море* и номинацию *белые ночи*, поэт создает емкий выразительный образ Севера: «На *Белом море* – волны беглые. / Над *Белым морем* – *ночи белые*. / Совсем без меры и без дна / над *Белым морем* – белизна» («На Белом море – волны беглые»). Именно образ белых ночей лучше всего передает особенность Севера: «В Архангельске – *белые ночи*. / И в полночь Архангельск – *дневной*» (Белая ночь).

Белые ночи представляются поэту как *Севера светлое диво*, он не устает восхищаться этим чудом природы: «Уплыли последние льдины, / сбежали с угоров ручьи. / И *Севера светлое диво* / явилось мне в

майской ночи» («Уплыли последние льдины...»). Для него белые ночи обладают волшебной живительной силой: «Пил бы и пил до дна / *белые эти ночи!*» (Северная Двина); они раскрывают, обнажают бескрайность, запахнутость пространств Севера: «*И призрачна, и неоглядна / земля запахнулась кругом*» («Уплыли последние льдины...»); «А Север могуч и просторен, / навстречу *распахнутый* весь» (Белые ночи).

Излюбленным тропом, служащим для описания белой ночи, становится олицетворение, при этом одушевляются солнце, заря, весна: «Как есть, наважденье прямое: / ни сумерек нету, ни звезд – / лишь *солнце умоется* в море / и вновь занимает свой пост» («Уплыли последние льдины...»); «...сю ночь / своей вольною волею / *заря / не уснет* / над рекой! (Солнце полуночи); «У весны особое искусство / *солнце лить* без меры, без границ» («У весны особое искусство...»).

Белые ночи неизменно вызывают у поэта праздничное настроение, пробуждают в нем надежду на лучшее: «Какой-то неведомый *праздник* / сулит эта *белая ночь*» (Белая ночь); «И сам я поверить не прочь, / что жизнь *распахнется* безбрежно, как здешняя *белая ночь*» («Уплыли последние льдины...»). Прилагательное *здесьняя* в данном контексте говорит о том, что поэт все-таки не до конца осознает себя северянином, хотя и прожил на Севере около сорока лет.

Белая ночь стимулирует рождение удивительных поэтических метафор-оксюморонов, украсивших произведения А. Лёвушкина: «В *белесой мгле*, / смотрю, девчонка-беломорка / навстречу выпорхнула мне» («На Белом море – волны беглые...»); «И, словно беспечно балующи, / весеннего счастья полно, / поморское *солнце полуночи* / в мое заглядится окно» (Солнце полуночи); «Над лохматой сосновой чащобою / *незакатное солнце* встает» («Край лесной с молодыми березками...»); «Пусть / жизнь обернулась окраиной, / пусть годы стучат по плечу – / я снова / душой неприкаянной / *полночного / солнца / хочу!*» (Солнце полуночи). Последний пример подчеркивает жизнеутверждающее, оптимистическое воздействие на поэта белых ночей.

Коренная северянка, лауреат Государственной премии России **Ольга Александровна Фокина** (р. 1937), уроженка Вехнетоемского района Архангельской области, живущая в Вологде, в своей самобытной поэзии, основанной на подлинно народном мировосприятии, создает неповторимый по своей красоте и глубине образ Русского Севера, в котором не могло не найтись места поэтическому описанию северных белых ночей.

Номинация *белые ночи* используется поэтессой для образной характеристики родного края: «И пойду за ворота / *Слушать белую ночь...*». Она называет ее «*Эта белая сонь...*» («От крутых поворотов...»). Этот образ служит и для противопоставления севера и юга: «Я отвыкла от *белых ночей*, / По *небелым широтам* кочуя» («Я отвыкла от белых

ночей...»); «Слишком *темные ночи* на юге, / Слишком тяжкие сны по ночам...» («Шорох волн, бытовые услуги...»).

Белая ночь воспринимается поэтессой как чудо, как торжество света и тишины, как средоточие таинственности и красоты: «На *таинственный свет без лучей* / Обновленно смотрю, как на *чудо*. / От земли до небес – *тишина* / Так незыблема! Так ощутима!» («Я отвыкла от белых ночей...»); «По никем не признанной науке / Не отражены – поглощены – / Хоть кричи! – бесследно тонут звуки / В глубине *огромной тишины*» («Как давно такого не бывало...»); «Без видимого дела, / Спустивши рукава, / Брожу я *ночью белой* / По белым островам» («Я летом запасуюсь...»).

Белая ночь, родная и близкая *ночь без тьмы*, рождает у поэтессы неожиданные ассоциации: «*Белой ночи* немое кино / Наполняется прежним звучаньем» («Я отвыкла от белых ночей...»). Белые ночи удостаиваются восторженного признания, наряду с другими признаками родного для поэтессы края: «Я люблю вас, *ночи черные*, / Я люблю вас, *ночи белые*, / И ручьи некипяченые, / И березы поседлые» («Я люблю вас, *ночи черные*...»). Белая ночь воспринимается как неотъемлемая часть родного дома: «Дома я. Знакомо незнакома / *Белой ночи* тихая печаль» («Как давно такого не бывало...»).

Описание белых ночей в творчестве северных поэтов объединяет общность эпитетов (*светлые, прозрачные, солнечные*); общность образов (*незакатное солнце, солнце полуночи*); общность символов (*чистота, бескрайность, открытость, сказочность*); сближение номинаций (*белые ночи* и *Белое море*) – все это создает сверхсмысл этого образа в художественной картине мира северного текста, Русского Севера как мифопоэтического пространства.

Литература

1. Галимова Е.Ш. Северный текст русской литературы как региональный сверттекст // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика: сборник научных статей. Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 5. Архангельск, 2011.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991.

Архангельск